

Достоевский Ф. М.: Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле

СМЕРТЬ НЕКРАСОВА. О ТОМ, ЧТО СКАЗАНО БЫЛО НА ЕГО МОГИЛЕ

Умер Некрасов. Я видел его в последний раз за месяц до его смерти. Он казался тогда почти уже трупом, так что странно было даже видеть, что такой труп говорит, шевелит губами. Но он не только говорил, но и сохранял всю ясность ума. Кажется, он все еще не верил в возможность близкой смерти. За неделю до смерти с ним был паралич правой стороны тела, и вот 28 утром я узнал, что Некрасов умер накануне, 27-го, в 8 часов вечера. В тот же день я пошел к нему. Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало. Уходя, я слышал, как псалтырщик четко и протяжно прочел над покойным: "Несть человек, иже не согрешит". Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова¹ и стал читать с первой страницы. Я просидел всю ночь до шести часов утра, и все эти тридцать лет как будто я прожил снова. Эти первые четыре стихотворения, которыми начинается первый том его стихов, появились в "Петербургском сборнике", в котором явилась и моя первая повесть². Затем, по мере чтения (а я читал сподряд), передо мной пронеслась как бы вся моя жизнь. Я узнал и припомнил и те из стихов его, которые первыми прочел в Сибири, когда, выйдя из моего четырехлетнего заключения в остроге, добился, наконец, до права взять в руки книгу³. Припомнил и впечатление тогдашнее. Короче, в эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни! Как поэт, конечно. Лично мы сходились мало и редко и лишь однажды вполне с беззаветным, горячим чувством, именно в самом начале нашего знакомства, в сорок пятом году, в эпоху "Бедных людей". Но я уже рассказывал об этом⁴. Тогда было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненое в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая рана* его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь. Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери - и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившем его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные темные неудержимые влечения его духа, преследовавшие его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потом, помню, мы как-то разошлись, и довольно скоро; близость наша друг с другом продолжалась не долее нескольких месяцев. Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди. Затем, много лет спустя, когда я уже воротился из Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу в убеждениях, уже тогда начинавшуюся, встречаясь, говорили иногда друг другу даже странные вещи - точно как будто в самом деле что-то продолжалось в нашей жизни, начатое еще в юности, еще в сорок пятом году, и как бы не хотело и не могло прерваться, хотя бы мы и по годам не встречались друг с другом. Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, "Несчастные", и внушительно сказал: "Я тут об вас думал, когда писал это" (то есть об моей жнзни в Сибири), "это об вас написано"⁵. И, наконец, тоже в последнее время, мы стали опять иногда видать друг друга, когда я печатал в его журнале мой роман "Подросток"...⁶

На похороны Некрасова собралось несколько тысяч его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессия выноса началась в 9 часов утра, а разошлись с кладбища уже в сумерки. Много говорилось на его гробе речей, из литераторов говорили мало⁷. Между прочим, прочтены были чьи-то прекрасные стихи⁸. Находясь под глубоким впечатлением, я протеснился к его раскрытой еще могиле, забросанной цветами и венками, и слабым моим голосом произнес вслед за прочими несколько слов. Я именно начал с того, что это было

раненное сердце, раз на всю жизнь, и незакрывшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой, так часто, доле его. Высказал тоже мое убеждение, что в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим "новым словом". В самом деле (устраняя всякий вопрос о художественной силе его поэзии и о размерах ее), - Некрасов был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с "новым словом". Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое, бесспорно, останется за Некрасовым. В этом смысле он, в ряду поэтов (то есть приходивших с "новым словом"), должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был *выше* Пушкина и Лермонтова, и что те были всего только "байронисты". Несколько голосов подхватили и крикнули: "Да, выше!" Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в "Биржевых ведомостях" г. Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывая, что будто бы когда *кто-то* (то есть я) на могиле Некрасова "вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (то есть вся учащаяся молодежь) *в один голос, хором* прокричали: "Он был выше, выше их"⁹. Смею уверить г. Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: "Выше, выше их", - и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были "байронисты" - прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем *всем*, в один и тот же момент, то есть тысячному хору - так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слыхал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь¹⁰.

Я потому так на этом настаиваю, что мне все же было бы чувствительно видеть, что *вся* наша молодежь впадает в такую ошибку. Благодарность к великим отшедшим именам должна быть присуща молодому сердцу. Без сомнения, иронический крик о байронистах и возгласы: "Выше, выше", - произошли вовсе не от желания затеять над раскрытой могилой дорогого покойника литературный спор, что было бы неуместно, а что тут просто был горячий порыв заявить как можно сильнее все накопившееся в сердце чувство умиления, благодарности и восторга к великому и столь сильно волновавшему нас поэту, и который, хотя и в гробе, но все еще к нам так близок (ну, а те-то великие прежние старики уже так далеко!). Но весь этот эпизод, тогда же, на месте, зажег во мне намерение объяснить мою мысль яснее в будущем номере "Дневника" и выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии, каким был Некрасов, и в чем именно заключается, по-моему, суть и смысл этого явления¹¹.

Примечания

Болезнь и смерть Некрасова явились для Достоевского большим потрясением. А. Г. Достоевская, жена писателя, вспоминала: "Узнав, что Некрасов опасно болен, Федор Михайлович стал часто заходить к нему - узнать о здоровье. Иной раз просил ради него не будить больного, а лишь передать ему сердечное приветствие.

Иногда муж заставал Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения. <...> Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Федоре Михайловиче глубокое впечатление, а потому, когда 27 декабря он узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души. Всю ночь он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии. <...>

Федор Михайлович бывал на панихидах по Некрасову и решил поехать на вынос его тела и на его погребение. Рано утром 30 декабря мы приехали на Литейную к дому Краевского, где жил Некрасов, и здесь застали массу молодежи с лавровыми венками в руках. Федор Михайлович провожал гроб до Итальянской улицы, но так как идти с обнаженной головой в сильный мороз было опасно, то я уговорила мужа поехать домой, а затем через два часа приехать в Новодевичий монастырь к отпеванию. Так и сделали, и в полдень были в

монастыре" (А. Г. Достоевская, Воспоминания, ГИЗ, М. --Л. 1925, стр. 228). На кладбище А. А. Плещеев увидел Достоевского "угрюмого и сурового, с растрепавшимися волосами" (А. Плещеев, Из уцелевших в памяти воспоминаний, ПГ. 1907, No 355).

Достоевский в речи на похоронах высказал свое понимание значения Некрасова для русской литературы По свидетельству одного из корреспондентов, "он сказал, между прочим, что Некрасов, как истинный человеколюбец, в своих произведениях изображал женщину в образе матери, любящую своего ребенка, и что в своих песнях, бывших верным отголоском человеческих страданий, он явился продолжателем Пушкина и Лермонтова" (*СПб. вед.*, 1877, No 360). Речь Достоевского была выслушана с огромным вниманием и вызвала многочисленные отклики в прессе.

Похороны Некрасова Достоевский описывал уже после первых печатных откликов на свое выступление, и он не воспроизвел его полностью. На возникший тогда спор о том, кто "выше" - Пушкин или Некрасов,-- Достоевский отвечал, защищая свою мысль о том, что Некрасов, как и Пушкин, "преклонялся перед народной правдой всем существом своим" ("Дневник писателя", 1877, No 12, стр. 316). "Народную правду" Достоевский трактовал в духе славянофильско-почвеннической идеологии. Справедливо утверждая, что Некрасов сказал "новое, слово", занял почетное место в истории русской литературы, он вместе с тем вносил религиозный элемент в трактовку созданных поэтом национальных типов. Эти его положения вызвали резкие возражения Г. З. Елисеева (*ОЗ*, 1878, No 3, "Внутреннее обозрение").

Печатается по тексту "Дневника писателя", 1877, декабрь, стр. 311--313.

¹ Стр. 482. Имеется в виду шестое издание "Стихотворений" Некрасова (1873--1874).

² Стр. 482. В "Петербургском сборнике" (1846) были напечатаны стихотворения Некрасова: "В дороге", "Пьяница", "Отрадно видеть, что находит...", "Колыбельная песня", а также повесть Достоевского "Бедные люди".

³ Стр. 482. Достоевский был освобожден из Омской крепости в феврале 1854 г.

⁴ Стр. 482. Об этом см. стр. 66--70.

⁵ Стр. 483. См. прим. 6 к стр. 71.

⁶ Стр.. 483 "Подросток" печатался в "Отечественных записках" в 1875 г. О встречах Достоевского с Некрасовым в это время см. стр. 65.

⁷ Стр. 483. Из писателей после Достоевского выступил П. В. Засодимский.

⁸ Стр. 483. Имеется в виду стихотворение М. Ватсон "Замолкла муза мести и печали...", см. стр. 478--479.

⁹ Стр. 484. Достоевский цитирует статью А. Скабичевского "Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор" (*БВ*, 1878, No 6).

¹⁰ Стр. 484. В. Буренин подтверждает рассказ Достоевского: "Дело действительно происходило так, как рассказывает г. Достоевский. Я могу подтвердить это, так как был в числе присутствовавших у могилы и стоял рядом с г. Достоевским. (...) Прибавлю одну подробность: в числе нескольких голосов один крикнул: "Пушкин был салонный поэт, а Некрасов - народный" (*НВ* 1878, No 681, 20 января).

Скабичевский впоследствии писал: "Я сам лично не присутствовал при этой сцене, передал ее со слов одного из свидетелей" (*БВ*, 1878, No 27).

¹¹ Стр. 485. На этой проблеме Достоевский остановился в декабрьском номере "Дневника писателя" в разделе: "Пушкин, Лермонтов и Некрасов".